

Ван Чжунвэнь многому научил своих учеников в Павильоне Дуншуй, включая Се Сянфэна, Се Цзюньхуая и Ли Тина. В отличие от военных школ, где практиковалось массовое и ускоренное обучение, Ван Чжунвэнь всегда стремился к всестороннему развитию каждого подопечного.

Например, Се Сянфэн, будучи простолюдином-мудрецом, занимая пост военного советника Острова Рыцарей, часто одерживал победы в войнах, не теряя ни одного солдата, благодаря своему стратегическому таланту.

Как говорится: взять город — это меньшее, покорить сердце — это большее.

К сожалению, первый правитель Ван Вэнган, сын старого мастера, не смог продолжить дело отца. Военная и политическая власть постепенно перешла в руки семьи Се и Се Цзюньхуая.

Еще печальнее сложилась судьба лучших учеников Ван Чжунвэня из Павильона Дуншуй: Се Сянфэн был вынужден скрываться от Альянса, Ли Тин покинул Империю, а второй правитель Мо Ювэнь исчез бесследно.

В итоге старик остался один на склоне лет.

— Я рад, что ты вернулся навещать меня, — голос старого мастера раздался из ниоткуда. — Ли Тин, у меня есть последние наставления для тебя.

Ли Тин кивнул, сглотнул ком в горле и изо всех сил постарался сдержать слезы.

Ван Чжунвэнь не стал говорить вслух. Он пальцем написал на ладони Ли Тина пять иероглифов: «Натяжение лука Юцзи».

Ли Тин хотел спросить о значении этих слов, но Цзинь Сяоцзян уже торопил его: время, на которое Сяо Ань смог взломать систему, истекало.

Чтобы не подвергать Сяо Аня опасности, Ли Тин понимал, что пора уходить. И этот уход означал, что он больше никогда не увидит своего учителя Ван Чжунвэня.

Однако,

заметив колебание Ли Тина, Ван Чжунвэнь отпустил его руку и тяжело вздохнул:

— В мире нет бессмертных, Ли Тин. Иди. Твое будущее не в этой больничной палате.

Ли Тин посмотрел на наставника, затем, с лицом, испещренным слезами, низко поклонился и быстро выпрыгнул в окно.

В тот же миг, когда Ли Тин исчез в оконном проеме, кардиомонитор издал ровный гул, вычерчивая прямую линию.

Ли Тин планировал вернуться тем же путем, но не ожидал, что там соберется столько наемников. Ему пришлось срочно вернуться в здание больницы Альянса, но едва он сделал шаг, как чья-то сильная рука схватила его:

— Идем со мной.

В темноте человека, схватившего Ли Тина, был Жэнь Пиншэн.

Жэнь Пиншэн, услышав сирены в здании правительства Альянса, понял, что всё это дело рук

Ли Тина. Поэтому он не покинул больницу, а по служебным переходам пробрался в соседнюю с палатой Ван Чжунвэня комнату, молча наблюдая и слушая за всем, что происходило между Ли Тином и Се Цзюньхуаем.

Он видел, как Се Цзюньхуай был отброшен взрывом, как Ли Тин ушел, подавленный горем, и как на лице Ван Чжунвэня застыла улыбка без сожалений.

В тот миг только Жэнь Пиншэн знал, что ногти его правой руки впились в ладонь до крови, превращая её в месиво.

Поэтому,

даже сейчас, когда Жэнь Пиншэн вел Ли Тина сквозь темноту, он использовал только левую руку. Это было неудобно, но он ни за что не хотел отпускать Ли Тина.

Ли Тин чувствовал силу пальцев, вцепившихся в его руку. В темноте он не мог разглядеть выражение лица Жэнь Пиншэна, но с тех пор, как тот произнес фразу «Идем со мной», он больше ничего не говорил, и от этого у Ли Тина на душе скребли кошки.

— Я звонил тебе...

Ли Тин начал оправдываться, но тут же почувствовал себя глупо, словно изменяющий муж, ищущий оправдания. Произнеся одну фразу, он умолк, чувствуя неловкость.

Жэнь Пиншэн прошел еще немного, затем резко остановился и развернулся к Ли Тину.

В темноте Ли Тин не знал, видит ли его Жэнь Пиншэн, но он явственно ощутил, как его приковало к месту. Незримая сила давила на него, лишая воздуха.

Ли Тин сглотнул, собираясь что-то сказать, но внезапно получил толчок. Он отшатнулся и спиной ударился о стену коридора. Руки мгновенно оказались поднятыми, а Жэнь Пиншэн прижал его к стене:

— Ты... мм...

Ли Тин успел лишь открыть рот, как Жэнь Пиншэн прикусил его губу. Резкий привкус крови заставил Ли Тина дрожать всем телом.

Жэнь Пиншэн потерял контроль. Ли Тин мог лишь тихо стонать, пытаясь вырваться, но это лишь усиливало давление на его запястья. Жэнь Пиншэн отпустил губы Ли Тина, но начал тщательно облизывать их, смывая кровь.

Вскоре губы Ли Тина пропитались вкусом Жэнь Пиншэна.

Жэнь Пиншэн снова принялся целовать его, теперь медленно и нежно, совсем не так, как раньше. Даже хват запястий ослабел.

Ли Тин старался выровнять дыхание, но Жэнь Пиншэн затягивал его всё глубже.

Все силы покидали Ли Тина. С тихим стоном он попытался поднять ногу, чтобы освободиться.

Но,

едва он дернулся, как Жэнь Пиншэн перехватил его ногу, отпустил руки и крепко схватил за

подбородок и затылок, запрокидывая голову. Его язык принудительно проник в рот Ли Тина, находя его язык и сплетаясь с ним в страстном танце.

Жэнь Пиншэн целовал так, словно хотел проглотить его, словно пытался отобрать самую сладкую конфету, тратя на это всю свою силу.

Поясница Ли Тина обмякла, и если бы не Жэнь Пиншэн, он бы давно рухнул на пол.

Его руки, которые прежде отталкивали Жэнь Пиншэна, теперь сами обвили его плечи.

Внезапно Жэнь Пиншэн переменял тактику, и Ли Тин почувствовал, как язык глубоко проникает в горло, сильно давя и лаская. Такой поцелуй, full of possessiveness, было трудно сопротивляться.

К счастью, прежде чем Ли Тин окончательно потерял рассудок от поцелуев, он успел запомнить, как Жэнь Пиншэн взял его на руки и вынес из больницы Альянса.

И,

как и предполагал Ли Тин, Жэнь Пиншэн знал больницу лучше, чем он сам, несмотря на то что вырос здесь.

Ли Тин очнулся в летательном аппарате Жэнь Пиншэна, когда они уже покинули Остров Рыцарей. До прибытия в «Честь вора» оставалось около десяти минут.

Увидев, что Ли Тин проснулся, Жэнь Пиншэн, сидевший рядом, лишь слегка сдвинул веки, продолжая смотреть на него тяжелым, немигающим взглядом.

Ли Тин понял: Жэнь Пиншэн наиболее страшен, когда молчит.

Он медленно сел, долго думал и наконец выбрал фразу, которая, как он надеялся, не разозлит Жэнь Пиншэна:

— Прости.

Жэнь Пиншэн глубоко вздохнул, подошел и медленно взял руку Ли Тина, начиная нежно гладить её. Он опустил голову, и Ли Тин не мог увидеть его лица. Вдруг атмосфера стала гнетущей, давящей на сердце тупой болью, словно ржавым ножом царапающим изнутри.

Ли Тин почувствовал обиду, надул губы и в ответ сжал ладонь Жэнь Пиншэна, пробормотав:

— Учитель Ван был для меня как родной отец. Я не хотел упустить возможность увидеть его в последний раз.

Жэнь Пиншэн замер, затем вытащил свою руку. Когда Ли Тин с грустью отвернулся, Жэнь Пиншэн заключил его в объятия.

Жэнь Пиншэн мягко погладил Ли Тина по спине:

— Все позади. Учитель был рад, что ты пришел.

Ли Тин уткнулся носом в грудь Жэнь Пиншэна. Вся напряженность и обида, накопившиеся в нем, под воздействием этого успокаивающего голоса отступили, словно целебное снадобье.

— Однако, — Жэнь Пиншэн тихо укусил его за ухо, — ты сбежал с нашей свадьбы. Я тебя не простил.

— Я... Я хотел тебе сказать! — с чувством вины пробормотал Ли Тин.

<http://bllate.org/book/16738/1560798>